

Экономическая наука как феномен Эпохи Просвещения

(Тезисы доклада на семинаре Института философии РАН)

О. Ананьин
профессор НИУ ВШЭ

1. Формирование экономики как науки – это больше, чем эпизод в истории отдельной отрасли знания. Это была первая попытка распространить просвещенческие идеалы науки за пределы естественных наук, адаптировать их к сфере социального познания и, как следствие, отделить социальное знание от знания философского.

2. Такой постановке вопроса препятствуют стереотипы в восприятии экономической мысли Эпохи Просвещения. Она либо сводится к обоснованию идеологии “laissez faire”, выпадая из контекста истории науки; либо рассматривается как звено естественного эволюционного процесса развития экономической мысли со времен Античности, т.е. вне контекста Эпохи Просвещения.

3. Отчасти это связано с абсолютистским, или вигским (Whiggish) взглядом на историю науки, сводящим такую историю к ретроспективной реконструкции *результата* процесса, к поиску «истоков» того состояния науки, которое принято за образец. Таковы, при всех внутренних различиях, известные историко-научные концепции К. Маркса, Й. Шумпетера, М. Блауга и др. Такие исторические реконструкции не объясняют логики *становления* науки, поскольку оставляют за скобками ключевой момент: выбор пути развития науки в его *начальной точке*. Между тем возникновение новых явлений, как правило, происходит в точках бифуркации, то есть в условиях, когда возможны разные траектории последующего движения, и выбор пути развития нередко определяется случайными факторами. Дальнейшее развитие, напротив, оказывается в той или иной степени связанным заданной траекторией (path dependent). Поэтому интерпретацию генезиса нового явления неправомерно ограничивать только тем кругом факторов и влияний, которые исторически и логически связаны с «победившей» траекторией развития.

4. Интеллектуальная среда, в которой формировалась экономическая наука, была открытой и оставляла возможность выбора опорной модели научного знания. С одной стороны, все еще влиятельной была схоластическая традиция, особенно доктрина естественного права, через которую, по определению Шумпетера, «общественные науки себя открыли» (Шумпетер-2001, с. 142). С другой стороны, в рамках просвещенческой мысли сложились две линии в эпистемологии – рационалистическая Декарта и эмпирическая – Бэкона, задававшие альтернативные образцы научности.

5. Интеллектуальное брожение второй половины XVII и начала XVIII вв. породило целый ряд проектов включения экономического знания в сферу тогдашней науки.

Два таких проекта можно назвать инерционными – они рационализировали фактически сложившиеся экономические дискурсы. Один из них – экономико-философский проект – восходит к Локку, который интерпретировал экономические явления, в особенности такие, как денежное обращение и ссудный процент, в свете доктрины естественного права, т.е. в широком морально-философском контексте. Экономика выступала в этом случае скорее разделом философии, чем отдельной наукой. В XVIII в. эту линию продолжил, хотя и на иной, свободной от груза естественно-правовых предпосылок философской базе, Дэвид Юм. Экономические явления – деньги, торговля и др. – интересовали Юма постольку, поскольку они влияли на человеческие нравы и, тем самым, объясняли механизмы общественного прогресса.

Второй – эмпирико-описательный – проект обобщил опыт консультантов-администраторов в более узкой области экономической политики. Он нашел свое

запоздавшее воплощение в сочинении сэра Джеймса Стюарта *«Исследование принципов политической экономии»* (1767). Представитель знатного аристократического рода, многолетний изгнанник и путешественник, Стюарт адресовался к просвещенному правителю и претендовал на обобщение опыта экономической политики разных стран. Вопреки Марксу (1859), который назвал Стюарта автором первой целостной системы буржуазной политической экономии, сам он противопоставлял свою работу тому, что, по его выражению, «французы называют Системами» и стремился избегать абстракций. «Великое искусство политической экономии» он видел в том, чтобы «во-первых, приспособливать различные ее (политической экономии) меры к духу, нравам, привычкам и обычаям народа, и уже затем формировать эти обстоятельства так, чтобы вводить в них новые, более полезные институты».

6. Автором первого альтернативного, подлинно просвещенческого проекта экономической науки был, несомненно, Уильям Петти. По определению Шумпетера, «он относился к числу теоретиков, для которых наука – это измерение». Знаменитая фраза: «...вместо того, чтобы употреблять только слова в сравнительной и превосходной степени и умозрительные аргументы, я вступил на путь выражения своих мнений на языке чисел, весов и мер..., используя только аргументы, идущие от чувственного опыта, и рассматривая только причины, имеющие видимые основания в природе» была явным вызовом. Шумпетер, отмечая, что Петти сознавал полемичность своего методологического кредо и был готов за него бороться, заключил, что «это был бы первый “спор о методе”» (Шумпетер–2001, с. 271). Правда, вывод был сформулирован в сослагательном наклонении: «никто не выступил против... [П]оследователей было мало, восхищались многие, но огромное большинство очень быстро предало забвению этот метод... [П]ерспективная программа, способная вдохновить экономистов на новые направления исследований, увяла в руках шотландского профессора и на 250 была практически утрачена для большинства экономистов» (Там же).

7. Еще один альтернативный подход к организации экономического знания был представлен знаменитым Джоном Ло – реформатором французских финансов начала XVIII в. Его основное сочинение *«Деньги и торговля»* (1705) – яркий пример инженерно-экономического жанра. Трактат состоит из восьми глав, из которых две первые вводят основные понятия и ставят проблему – обеспечение хозяйства деньгами; четыре следующие главы содержат обзор различных подходов к решению задачи – применяемых на практике или предлагаемых другими авторами, вместе с объяснением недостаточности или неадекватности этих подходов; седьмая глава состоит из детального пошагового описания проекта самого автора, а заключительная глава – это характеристика выгод, которые принесет его осуществление.

8. Реакцией на первые проекты новой науки стал еще один проект, разработанный в начале 30-х гг. XVIII в. коммерсантом ирландского происхождения Ричардом Кантильоном. *«Опыт»* Кантильона разительно отличается от работ предшественников своей методологией. Экономика Кантильона – это реализованный рационалистический проект конкретной теоретической науки. Это не раздел философии, как было у Локка; не аналитическая гипотеза для группировки и анализа данных, как у Петти; и тем более не инженерный проект в духе Ло. Теория Кантильона – это попытка представить объект изучения в виде обобщенной модели, описывающей его существенные черты и свойства. Это сознательно выстроенная система абстрактных схем, ядром которой служит схема производства и воспроизводства (кругооборота) богатства, фиксирующая объективные, жестко детерминированные условия поддержания жизнеспособности хозяйства. Жесткую базовую схему Кантильон дополняет двумя другими, допускающими вариативность: (а) иерархией экономических агентов (ролей) и (б) схемой денежного обращения, опосредующего связи между элементами базовой схемы. Вся конструкция строится на предпосылке существования объективно заданного естественного состояния, которое имеет тенденцию воспроизводиться в ходе функционирования экономической системы. Это состояние определяется независимо от действия рыночного механизма. Еще одна базовая предпосылка – разведение производственной и денежной сфер. Таким способом Кантильон решал фундаментальную

проблему соотношения детерминизма и неопределенности. Производство богатства детерминировано объективными факторами, в основном неподвластными воле человека, но в действие эти факторы приводятся самими людьми с их ограниченными возможностями и несовершенными механизмами взаимодействия. В этих условиях неизбежен зазор между естественным состоянием и реальностью и, как его следствие – неопределенность. Функцию согласования труда работников с запросами аристократии выполняют на свой страх и риск предприниматели-посредники. Введение в эту схему предпринимателей-посредников, несущих бремя неопределенности, позволило Кантильону рационально объяснить механизм уравнивания экономической системы без обращения к искусственным метафорам типа «невидимой руки».

9. Разнообразие проектов включения экономического знания в систему наук ставит под сомнение стандартные представления о генезисе экономической науки. Хотя авторы более поздних проектов знали об идеях своих предшественников, отношение к ним нередко строилось на принципе отталкивания и противопоставления, а не преемственности и заимствований. Примером тому могут служить ссылки Кантильона на Петти и Локка, отражающие одновременно и тематические переключки и альтернативность подходов в трактовке общих тем.

10. В конечном счете, экономическая наука сформировалась на путях, намеченных рационалистическим проектом Кантильона, как абстрактная теория, логически выводимая из ограниченного набора базовых предпосылок. Успех к этому проекту пришел десятилетия спустя после смерти инициатора и был обязан трудам последователей – Франсуа Кенэ и, особенно, Адама Смита. Успех теоретическому проекту обеспечили как уязвимость позиции основных конкурентов, так и его созвучность запросам времени. Инженерный проект Джона Ло был дискредитирован крахом его финансовой пирамиды, а для эмпирического проекта Уильяма Петти не созрели условия из-за отсутствия статистической базы. Теоретический же проект в том виде, в котором его представил Адам Смит, оказался идеологически привлекательным для своей эпохи. Успех Смита-экономиста – а с ним и рождение новой науки политической экономии – были в значительной мере производны от успеха Смита – политического мыслителя. «Именно благодаря... пониманию гражданского общества как рынка Смит смог революционизировать мир» – так резюмировал ситуацию Пьер Розанваллон (2007/1999, с.85). «Консультантский» проект Джеймса Стюарта в этом отношении был его антиподом и смотрел в прошлое. Экономико-философский проект Локка и Юма встраивал новые идеи в старые философские схемы, и, вероятно, поэтому не имел сопоставимого резонанса. Заметим, что все перечисленные факторы имели исторически ограниченный, если не сказать случайный характер. В иных исторических условиях формирование экономической науки могло пойти иным путем.

11. В то же время победа теоретического проекта канонизировала вполне определенные идеалы научности и соответствующие им эпистемологические ценности, связанные, но не идентичные с исходными просвещенческими образцами. При этом конфликт между различными идеалами научности остался неразрешенным. Ориентация на один ценностный вектор нередко достигалась ценой потерь на других направлениях: дилеммы «истина против строгости», «универсальность против системной специфики», «эмпирицизм против эссенциализма» – позднейшие иллюстрации этой проблемы. Более того, история экономической науки позволяет предположить, что основной набор конкурирующих ценностей науки относительно стабилен. Двухмерная схема с двумя осями, символизирующими выбор между рационалистическими и эмпирическими исследовательскими программами, с одной стороны, и между универсалистскими и системно-специфическими теориями, с другой, достаточна, чтобы проиллюстрировать эту гипотезу. В эпоху классической политэкономии базовая эпистемологическая структура экономического знания имела примерно такой вид:

После маржиналистской революции второй половины XIX в., перенаправившей внимание экономистов на изучение экономического поведения, сменились фигуры, но базовая эпистемологическая структура воспроизвелась почти в прежнем виде. Уэсли Митчелл сменил Уильяма Петти, Густав Шмоллер занял позицию Стюарта, Карл Менгер и Леон Вальрас заменили Кантильона и Адама Смита, а Макс Вебер и Вальтер Ойкен – Карла Маркса. Эту историю несложно продолжить. Ценностные конфликты – отнюдь не противостояние «хороших» и «плохих», правых и неправых: они суть проявление многомерности реального мира, который призвана отразить наука.

Литература

- Розанваллон, П. (2007/1999). *Утопический капитализм. История идеи рынка*. М.: НЛО.
 Шумпетер Й.А. *История экономического анализа* (2001/1954). СПб: Экономическая школа.
 Cantillon, R. (1931/1755). *Essai sur la nature du commerce en général*. Ed. by H. Higgs. London: Macmillan.
 Steuart, J. (1767). *An Inquiry into the Principles of Political Economy*.